№ 48 ДЕКАБРЬ МОСКВА 1942 ● ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ● ГОД ИЗДАНИЯ XXI ● ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

КРОКОДИЛ

Рис. Кукрыниксы

Моя борьба...

СТАРЫЙ РОМАНС НА НОВЫЙ ЛАД

Рис. А. Каневского

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской, как печально Турин догорает...

Сашка

Год назад постовой милиционер привел в педиатрический институт отощавшего, с желтым, потухшим лицом мальчика.

— Как я дежурю на вашем углу,— начал милиционер, снимая варежкой иней с усов и бровей,— а у них, конечно, отец на войне... А парнишка для меньших братов старается, перестарался...

Марья Михайловна, заместитель директора по хозяйственной части, все поняла с одного беглого взгляда на острое лицо мальчугана и тут же по телефону исхлопотала для него путевку в институт.

Мальчик в течение месяца приходил сюда вместе с другими детишками и получал обильные, вкусные завтраки, обеды, ужины. Вскоре Сашу (так звали мальчика) нельзя было узнать: это был жизнерадостный подросток с нетерпеливым, всегда смеющимся взглядом. Он чувствовал себя слишком взрослым, чтобы вместе с малолетками забавляться во дворе института игрой в войну, размахивать палкой, заменяющей саблю, или придавать той же палке, с помощью неистовых звукоподражаний, значение и роль скорострельного автомата. Он деловито обходил все закоулки института, жадно заглядывал во все кабинеты и лаборатории.

Прошел месяц. Саша в последний раз поужинал в институте и больше никогда не показывался здесь. Но с этих пор милиционер на углу Климентовского и Пятницкой торжественно козырял Марье Михайловне всякий раз, как она шла на работу или возвращалась домой.

Меж тем наступила вторая военная зима—и в институте прибавилось хлопот с детишками. Кроме питания для приходящих стали налаживать коечное, санаторное отделение. Марья Михайловна долго и безуспешно искала мастеров, которым можно было бы поручить изготовление легкой мебели: маленьких столиков, тумбочек, шкафов и скамеек. Наконец, после многодневных напрасных поисков, Марья Михайловна получила в свое распоряжение задумчивого, лохматого старика.

— Стало быть, так...— продолжал размышлять старик, сворачивая папиросу.— Столы, тумбочки, скамейки,— значит, это все самого малого размера. Потому что для взрослого человека, понятное дело, требуется в полную меру, а тут как для малых ребят, значит, наоборот, недомерок называется. Так, так...— и он с понимающим видом кивал головой.

Потом он упрятал всю пачку табаку в карман и сказал:

— Сделать, что ж... Отчего бы не сделать? Кабы я столяр был. А я по шорному делу,— ласково объяснил старик и вздохнул сочувственно.— По шорному, значит... Шорник я был в молодых-то годах... Вот ведь какое дело. Сбруя вам, если нужна, это — пожалуйста...

Потом пришли два солидных, строгих мужичка, от которых и пахло, как от настоящих честных столяров,— стружками, смолой, клеем. Они оставили в раздевалке лоток с рубанками, молотками разной формы, стамесками, долотами. Никаких не могло быть сомнений, что на этот раз перед Марьей Михайловной доподлинные специалисты своего дела. И разговор они вели между собою на таком таинственном, профессиональном языке, с упоминанием всех сортов и видов леса, с перечислением разных красок и лаков, что Марья Михайловна, ровно ничего не поняв, прониклась к этим людям самым почтительным уважением.

— Ладно, хозяйка,— обсудив между собою все особенности заказа, обратились они к Марье Михайловне.— Ты только вот что... Ты не сомневайся. Для задатку поднеси нам сейчас по стопочке, мы и того... Все сделаем. Все в акурате будет.

Марья Михайловна сначала решительно отказалась,— да откуда ей взять; не трактир у нее, не ресторан какой-нибудь!.. Гости, вызывающе подмигнув ей, сказали, что будет толковать-то,— чтоб в медицинском деле, да не оказалось порядочной бутыли с чистым спиртом.

Чтобы не упустить мастеров и задобрить их, Марья Михайловна в конце концов отмерила им запретного угощения.

Крякнули мастера, утерлись... и ушли навсегда.

Вечером, на пути домой, Марья Михайловна долго прощалась на углу Климентовского с одной из своих сотрудниц.

— Нет,— громко возмущалась она,— как вам понравится эта грязная накипь войны, эта жалкая шантрапа, эти бесстыдные вымогатели и жулики!

И много еще разных других горячих слов произнесла обманутая и оскорбленная Марья Михайловна, когда постовой милиционер подошел к ней и, козырнув, сказал:

— Разрешите... Я извиняюсь, слышу, что вам рабочие требуются. Так я вам Сашку пришлю.

— Какого еще Сашку? Хватит с меня.

— Сашка-то? Не пьет, не курит, куда ему! Пятнадцатый год только пошел ведь.

— Саша? — воскликнула тогда Марья Михайловна.— Этот мальчик? Но что же он умеет?

— В ремесленном учится... Они нынче все умеют... Просто на удивление.

Саша явился в институт с целой ватагой своих сверстников.

Саша был у них бригадиром. Выслушав заместительницу директора по хозяйственной части, он сказал только:

— Хорош!

Единственное слово это прозвучало как непререкаемое обещание, как присяга.

Спустя неделю весь большой заказ был отлично выполнен.

А. ЭРЛИХ

Рис. Б. Фридкина.

Немецким солдатам, участникам прошлогодней зимней кампании в России, выдается специальная медаль.

Медаль и ее оборотная сторона.

Генеральская болезнь

Танки брошены в пустыне,
Войско в Ливии разбито.
Итальянские прохвосты
Обращаются к Бенито.

— Положение серьезно,—
Слышен голос в телефоне,—
Шлите нам для подкрепленья
Генерала Макарони.

Отвечает Муссолини:
— Перейдите к обороне,
Шлю войскам для подкрепленья
Генерала Макарони.

Генерал приехал в Тобрук,
Быстро в деле разобрался
И не будь дурак — немедля
К англичанам в плен подался.

Вновь из Ливии трезвонят:
— Генерал сидит в полоне.
Шлите нам для подкрепленья
Генерала Панталони.

Отвечает Муссолини:
— Генералы все в разгоне...
Шлю войскам для подкрепленья
Генерала Панталони.

Генерал, на сербском фронте
Изучивший все науки,
Только в Ливию приехал —
Сразу поднял кверху руки...

Под ливийским жарким солнцем
Непрерывно войско тает.
Ни солдат, ни генералов
Итальянцам не хватает.

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Северозападный фронт.

Телефонный разговор

— Алло, алло! Товарищ лейтенант, вижу пять вражеских автоматчиков...

— Плохо слышу, повторите!

— Вижу четырех солдат противника! Алло, товарищ лейтенант, вы меня слышите?!

— Тут мешают! Повторите, сколько?

— Трое! Три солдата движутся в нашем направлении! Алло, товарищ лейтенант!

— Да-да! Слышу! Трое?

— Двое, товарищ лейтенант! Двое!

— Ага! Двое?!

— Теперь один! Один!

— Алло! Алло! Почему молчите? Алло!

— Сейчас, товарищ лейтенант! Ага! Всё! Больше нету, товарищ лейтенант! Последнего снайпер Семенов только что снял!

А. ГРОССМАН,
сержант

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Рис: И. Семенова

— В военном деле главное— пунктуальность, товарищ полковник!

— Так точно, товарищ генерал! Сегодня мы заняли еще несколько населенных пунктов!

Случай в аду

Был день — как день. Облезлые от пота
Трудились бесы у своих котлов,
И на кипящих фрицев с неохотой
Сам Вельзевул глядел из-под очков.

И вдруг в котельной все пришло
в движенье:
Ввалились фрицы — нету им числа!..
— Под Сталинградом наши в окруженье,
Не умолкает жаркое сраженье,
Нас лично в ад «Катюша» занесла!

...Уже котлов у бесов не хватает,
И на ораву эту мало дров,
Уже привратник немцев в грудь пихает:
— Куда вы прете, черти! Нет местов!

А фриц идет! Идет за ротой рота
Горланящей и смрадною толпой,
И Вельзевул трясется — сам не свой:
— Ох, руссише! Ну задали работу!
И чтобы адский график не ломать,
В котел сажает сразу сотен пять!..

Леонид ЛЕНЧ

●

Фриц и собака

БЛИНДАЖ командира роты. Снайпер Климов только что вернулся с огневой позиции и докладывает командиру части:

— Сегодня убил одиннадцать фрицев.

— Молодец!

— Товарищ майор, разрешите вопрос: собаку за фрица считать?

Все дружно расхохотались.

Но Климов сказал, что смеяться нечего, а лучше послушать, как было дело:

— Фрицы, выкопав траншеи к самому Дону, высовывались из-за бруствера и черпали воду в реке. Я нескольких гадов подшиб. Тогда они пустили собаку с котелком, я и собаку-водоноса убил. Ну вот, как же теперь? Считать собаку за фрица или нет?

И все порешили собаку за фрица не считать, но всех фрицев убивать, как собак.

Г. ЯКОВЛЕВ

Действующая армия.

Девушка с характером

СОСНА, ель, тишина, сумерки. Вообще — природа.

И вот по лесной заснеженной тропинке идут двое. Один из них—рослый, широкоплечий парень в белом маскировочном халате, с автоматом в руках. Второй — это субъект средних размеров, средней упитанности. И думаю, что вы, конечно, догадываетесь, это это фриц.

Фриц идет впереди. Человек с автоматом — позади. Один из этих двух — в тулупе, в валенках, в мохнатой ушанке. Второй — в бабьей кацавейке, и голова обмотана рваным и грязным платком.

Фриц спотыкается. Ему скучно и тоскливо. Он то и дело замедляет шаг. Но остановиться не может. Повернуть назад не смеет. За его спиной — холодное и суровое дуло автомата. И автомат этот в руке...

При воспоминании о руке Генриху Штейеру делается не по себе. Да, автомат в очень крепкой руке. Еще до сих пор у Генриха Штейера шум в голове. Ну, и здорово хватил его по башке этот здоровенный русский парень, партизанский разведчик!

Они идут. И вот они пришли в какую-то землянку.

Парень в маскировочном халате сказал, обращаясь к усатому человеку:

— Товарищ командир! Принимай птаху.

Птаха в бабьей кацавейке испуганно озиралась по сторонам. Вдруг она увидала на столе каравай хлеба и огромный кусок колбасы.

Птаха забыла обо всем на свете. Ее глаза засверкали вдохновением. Она жалобно прокаркала:

— Кушить...

Фрицу дали поесть. Он немедленно с превеликой доблестью атаковал хлеб с колбасой.

Но вдруг еда застряла в его горле. Глаза расширились. Он увидел то, чего в жизни никогда не видел. Парень, который привел его, сбросил с себя маскировочный халат. И этот парень оказался не парнем.

Это — страшно сказать! — это... девушка.

Что же это такое? А? Нет, что ни говорите, а русские применяют неправильные методы войны. Его, германского обер-ефрейтора, поймала и привела в плен девушка. И это она его... Шум в голове напомнил ему о первых мгновеньях своей встречи с этой русской девушкой.

Птаха перестала есть. У птахи пропал аппетит.

Нас это мало беспокоит. Тем более что наш рассказ — не о фрице, а о разведчице Ане, о девушке из партизанского отряда «Бей гадов!»

— В нашем отряде,— рассказывает командир,— есть свой женотдел. И возглавляет его Аня. О, это девушка с характером! У нас и другие девушки не лыком шиты. Но Аня...

Рука? Да. Рука у нее крепкая. Но и голова у нее крепкая. А в партизанском ремесле голова — не последнее дело.

Пошли раз поздно вечером наши девушки под командой Ани ловить «языка». И вот какую штуку Аня придумала. Дело в том, что на самом краю деревни стоит немецкий часовой. Его-то и надо было притащить к нам. Но как его взять, чтоб шума не случилось? Чуть что — немец подымет тарарам.

Аня придумала. Она из соломы сделала чучело. Нарядила его в немецкую шинельку и пилотку. Привязала к чучелу длинную бичеву. Поймав момент, когда часовой удалился в сторону, Аня положила соломенного фрица на дорогу, а сама отползла в канаву.

Вот выходит часовой. Аня из канавы дергает за бичеву. Чучело ползет. Часовой при бледном свете луны замечает, что ползет немецкий солдат. Часовой сразу догадался: немец хочет перебежать к русским. Часовой кричит: «Хальт!» Чучело молчит и начинает быстрее ползти. Часовой бежит за чучелом. Но чучело набирает темпы. Часовой стреляет в чучело и попадает ему в спину. Но чучело не обращает внимания на такие пустяки и продолжает ползти. Часовой бежит.

А когда отбежал подальше от деревни... Короче говоря, вскоре часовой очутился в партизанской землянке. Тут его наши девушки и познакомили с чучелом.

Были у Ани дела и посерьезней. Нужно было пустить под откос немецкий эшелон.

У железнодорожной насыпи ходит немецкий полицейский. Вот-вот должен пройти поезд.

Подбегает к полицейскому, сильно хромая на одну ногу, какая-то растрепанная, сильно перепуганная женщина. В руках корзинка со щавелем.

— Ой, господин полицейский!.. Собирала щавель... Сама видела... Партизаны что-то положили на рельсы... Сейчас все кругом взорвется... Надо бежать... Ой!

И полицейский кинулся что есть мочи подальше от опасного места. Этого только и надо было Ане.

Вы, конечно, поняли, что хромая баба со щавелем — это была Аня. Так поймите еще и то, что в корзине под щавелем у нее лежал чудный гостинец для немцев. Этот гостинец был немедленно положен под рельсы. А минут через пятнадцать вся окрестность огласилась сильным взрывом и грохотом разбитых вагонов и платформ.

Вот какая наша Аня! Еще много интересного можно было бы о ней рассказать. Да всего сразу не расскажешь... Боевые ребята—наши девушки!

Г. РЫКЛИН

Рис. В. Горяева

— Говорят, ваш муж — меткий стрелок, фрау Шульц.

— Какой там! Вторую пару туфлей присылает с фронта — и все не мой размер.

Рис. И. Семенова

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ

Фрау Амалия Штумпе потеряла мужа и брата под Нальчиком.

Обер-ефрейтор Карл Пупке потерял ногу в районе Туапсе.

Солдат Адольф Штрипке потерял мундир и все награбленное при отступлении на Центральном фронте.

Полковник Курт Швайнер потерял весь свой полк под Сталинградом.

И все они вместе окончательно потеряли надежду на победу Гитлера.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

У НЕМЕЦКОГО ПРОКУРОРА

— Ефрейтор Клаус, вы обвиняетесь в том, что в своих письмах болтали, будто бы русские взяли нашу дивизию в мешок. Что вы скажете в свое оправдание?

— Господин прокурор! Как говорится, шила в мешке не утаишь. Особенно если это — не шило, а целая дивизия.

(«Красный гвардеец».)

ТОЧНЫЙ ПОДСЧЕТ

— Какие у вас потери?

— Единицы: лейтенант Кейбер потерял руку, капитан Блицке потерял ногу, полковник Кумпол — голову, а генерал фон Шрек — дивизию.

(«Красный гвардеец».)

ДИСЦИПЛИНА ДО КОНЦА

(Под Сталинградом)

РУМЫНСКИЙ СОЛДАТ: — Русские наступают! Сдаюсь!..

КОМАНДИР ПОЛКА: — Никаких беспорядков! Сдаваться организованно — всем полком.

(«За советскую родину».)

РАЗГОВОР ДВУХ ФРИЦЕВ

— Наш полковник фон Грех от огорчений под Ржевом так похудел, что у него остались кожа да кости...

— А от нашего полковника под Кармановом даже костей не осталось!

(«Ленинское знамя».)

ПОСЛЕДСТВИЯ ЦЕНЗУРЫ

— Как-то Гитлером была получена телеграмма, содержание которой было следующее: «Гитлер... Гитлера... Гитлеру... Гитлер... Гитлера... Гитлер.... Гитлеру...»

Как выяснилось, телеграмма попала в цензуру к доктору Геббельсу, который из уважения к фюреру замазал все нецензурные места!

(«Советский боец».)

Смерть почтового чиновника

КАК-ТО надnях Вильгельм Баумшток, старший конторщик полевой почты, пришел в хорошее настроение. Он тайком от дотошного казначея выпил флягу рома — последнюю флягу! — и тихонько запел:

«А меня не убили, а меня не убили!
А меня и убить-то не могут!..»

В хорошее настроение привело Вильгельма Баумштока письмо от тещи. Старуха писала, что второй двоюродный брат Вильгельма погиб на русском фронте. В общей сложности сошло в могилу, по тещиным подсчетам, шесть родственников Баумштока: Густав — автоматчик, Алоиз — летчик, Отто — сапер, Рудольф — танкист, Эрих — связист и Ганс — мотоциклист. Теще грустно, но Вильгельму Баумштоку радостно. Еще бы: на полевой почте служить — максимум безопасности!

Вильгельм Баумшток уснул с улыбкой счастья на лице. «Не убьют, нет, не убьют!» — шептал он во сне, прижимая к груди пустую флягу.

Ночью Вильгельма разбудили принимать посылки. Из мотополка пришел трехтонный грузовик. Штабная канцелярия нагрузила четверо розвальней. Объемистые посылки едва вместила почтовая кладовая. Потом пришло еще два грузовика — из минометного батальона и из роты самокатчиков. Чувствовалось, что за последние дни с передовой что-то особенно усердно отправляются посылки. И к тому же со вчерашнего дня машины почему-то не ходят на запад. Вторые сутки почта не отправлялась — ни посылки, ни исходящая корреспонденция! Вся контора забита. Заносы, что ли, на дорогах снежные?

Вильгельм Баумшток прислушивался к разговорам. Дотошный казначей где-то слышал, что сегодня утром весь мотополк погиб под русскими танками.

— Послушай, Вильгельм! — подмигнул казначей.— Если ты мне доверяешь, давай раскроем несколько посылок из мотополка. Верное дело — люди мертвы, мертвы, как один. Давай, если ты мне веришь!

Старший конторщик Баумшток еще не пал так низко, чтобы вступать в сделки с мерзостным казначеем.

— Не говори глупостей! — резко оборвал он казначея и отогнал его от своего бюро.

Но как только казначей ушел, Вильгельм быстрым движением выкатил давно примеченный бочонок меда, принятый вчера от обер-ефрейтора Гюнтера из мотополка. В одно мгновение бочонок оказался под койкой Баумштока. Улучив минуту, конторщик снял крышку и зачерпнул меду чайным блюдцем. Он жадно впился в него губами. Хорош мед!

Наутро начальник почты приказал вывесить объявление о том, что прием посылок, согласно распоряжению командования, временно прекращен. Многие клиенты забирали свои посылки обратно. Но из мотополка никто не пришел. Значит, верно, что мотополк погиб. Вильгельм Баумшток, пока не явился на дежурство дотошный казначей, извлек с нижней полки жестяную банку с фруктовым вареньем, которую он облюбовал накануне. Хорошо варенье! Ребята из мотополка, видно, имеют неплохой вкус! Вильгельм Баумшток зачерпнул еще раз глубокой тарелкой и сделал несколько глотков, чуть не подавившись костью сливы.

Для Вильгельма Баумштока начались горячие дни. Дивизия вместе с полевой почтой оказалась — это уже точно — в кольце у русских. Исходящая корреспонденция и посылки лежали без движения. Все меньше клиентов приходило забирать свои посылки обратно. Убиты! Никогда еще Вильгельм Баумшток так хорошо не питался, как в дни окружения. Ему хотелось написать теще восторженное письмо, но он с досадой подумал, что если бы нормально шла почта, — ни о чем радостном не пришлось бы писать...

Когда наши бойцы захватили полевую почту, они застали там умирающего Вильгельма Баумштока. Старший военфельдшер Ирина Голубева доложила комбату, что фриц, валяющийся на посылках, смертельно обожрался и вот-вот умрет, так что показаний он, очевидно, не даст. Ирина Голубева была права. Пять минут спустя после короткой агонии Вильгельм Баумшток скончался. На всякий случай Ирина Голубева записала его предсмертный бред. Можно было разобрать только несколько слов: «А меня не убьют, а меня не убьют...»

М. ШУР

Действующая армия.

СУЩАЯ ПРАВДА

Рис. А. Баженова

«...Не беспокойся, Гретта, мы очень мало изменились с прошлой зимы...»

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОПАСЕНИЕ

Рис. Л. Бродаты

— Ох, боюсь, что мой друг Адольф, ничего не получив по этому меню, захочет закусить Италией!

Новая песня

(На мотив «Во поле березонька стояла»)

Во поле дивизия стояла
Лютого фашиста-генерала,
Стали наши снайперы стреляти
По арийским лбам немецкой рати.
Метких истребителей винтовки
Щелкают, громят без остановки.
И у немчуры без остановки
Начались «березозаготовки».
Гансы от стрельбы затосковали,
Множество березы наломали.
И не для печурок от мороза,—
На кресты пошла у них береза.
Нам не жаль на это древесины,
Ни березы белой, ни осины.
Гадов под березой похороним,
Сверху кол осиновый загоним!

В. ИВАНОВ

Действующая армия.

Ботинок

ЛЮБОПЫТНЫЙ случай произошел со мной в одном из боев за высоту. Надо вам сказать, что с тех пор я особенно заботливо отношусь к моему правому ботинку. Почему именно к правому?

Вот об этом-то я и хочу рассказать.

Заняли мы, значит, высоту и закрепились. Белофинны с этим никак примириться не захотели, ну и полезли. Они лезут, а мы, ясное дело, бьем.

Отбили мы таким манером одну контратаку, и тут-то я почувствовал, что вся правая нога гудит и ноет. Короче говоря, виной всему ботинок: жмет, проклятый. Обругал я его вгорячах, да и сел переобуваться.

Оглянулся я — и глазам не верю: рыжий верзила прямо прет на меня.

Долго размышлять мне было некогда. Схватил я первое, что попалось под руку, и запустил с такой силой в рыжую образину белофинского вояки, что он от сюрприза такого обалдел. Ему, наверное, и в голову не пришло, что я в него запустил не гранатой и даже не камнем, а самым обыкновенным красноармейским ботинком. Должно быть, сперепугу белофинн принял этот самый ботинок за какой-нибудь новый снаряд небывалой убойной силы, потому проворно пустился наутек.

Оказывается, и ботинок в нужную минуту тоже «стреляет». Подобрал я после тот ботинок — ничего, справная обувка. Только после того как он отпечатался на белофинской физиономии, ремонт небольшой пришлось сделать. А так все нормально: больше не жмет, не давит.

Григорий ПАВЛОВ,
красноармеец

Карельский фронт.

Земля

НАКАНУНЕ Тушка, деревенский староста, оповестил всех граждан: «Завтра, в двенадцать часов, мирской сход. Кто не придет, тот потом долго хворать будет...» Это означало: за неявку на сход немецкие солдаты будут стегать людей ивовыми прутьями. Однажды такое уже было.

К двенадцати часам у пожарного сарая собралась вся деревня: женщины, старики, старухи, подростки. А парней и средних лет мужчин тут не было, если не считать Митьку Ветелкина, пьянчугу, пустоболта, бездельника: все другие мужчины и парни ушли или с Красной Армией или к партизанам.

Митька, длинноногий, нескладный, с глупыми, как у окуня, глазами, переходил от кружка к кружку и все курил тоненькие словно соломинка немецкие папиросы, пахнущие гнилым грибом. Папиросы ему до крайности не нравились, однако он дымил и дымил и, видно, все ждал, что его спросят, откуда у него такие папиросы: хотел похвастаться дружбой с кривым «лезервистом», то есть солдатом внутренней охраны. Но никто не спросил; люди переговаривались вполголоса: ждали новых бед. «Господи, господи, чего еще хотят, треклятые? Зачем сход-то опять собирают?..»

Митька переходил от кружка к кружку и говорил тошные глупости:

— Хотят всех по культурной форме обрядить: мужики чтобы в касках, а бабы — в портках...

В половине первого увидели: к пожарному сараю шагают староста Тушка и здоровущий немец Пфафф, а за ними — кривой «лезервист».

Пфаффа знали все. Он уже несколько раз бывал в деревне, интересовался, как крестьяне отгружают на станцию хлеб, полушубки, валенки, шерсть... Нижняя челюсть у него такая большая, словно свою челюсть он однажды потерял и ему приставили конскую, обтянули человеческой кожей и приставили.

Немец быстро подошел к дрогам, поднялся на них, крикнул ломанно:

— Христос воскресе, православные!

И, видно, хотел сделать веселое лицо, но ничего не вышло: с такой челюстью веселого лица не построишь.

Люди удивились до испуга. Если верить церковному календарю, Христос воскресает в начале весны, а нынче — сентябрь; в такую пору Христу воскресать непривычно. Это во-первых. А во-вторых, людей устрашила попытка немца улыбнуться. «К чему бы это такое — ах, батюшки!..»

Пфафф стал говорить. Говорил он о том, что отныне колхоза не будет, а будет «золегая единолиш». Он говорил о землемере, о том, что землемер завтра же разделит поле на участки, и «каждый мужик, каждый баби будет вольна хозяими...»

— Христос воскресе!..

* * *

По полю ходили землемер и староста Тушка. Они делили землю на полосы: «Это Василию Квакину», «Это Марфе Цыганковой», «А это Степаниде Трофимовой...»

Будущие землевладельцы, «вольна хозяиши», то есть «вольные хозяева», тоже были тут: им было велено обозначать границы своих участков колышками. «Хозяева» были крайне скучны: вздыхали, крякали... Только Митька Ветелкин метался с участка на участок, веселый, взбудораженный, и говорил всякие несуразности.

Ему двадцать семь лет, но он, видно, плохо помнит доколхозную жизнь и знает о ней главным образом по рассказам отца — Родиона Ветелкина, человека весьма отсталого и работавшего в колхозе неохотно и нерадиво. Старик очень хвалил доколхозные порядки: «Сам себе полный хозяин. Чего хотишь, то и сделаешь и плануешь все по своему разуму».

Но говорил Родион все это до войны, а когда в село пришли немцы, он, присмотревшись к ним, помрачнел и, казалось, даже погорбился.

На дележ поля Родион, конечно, тоже пришел. Ему отвели участок, но Родион, как и все, был пасмурен и все вздыхал и ожесточенно чесал то плечо, то шею...

В полдень Тушка и землемер ушли на село обедать. Новым «землевладельцам» тоже следовало бы пойти ко дворам: как ни как, а дома есть вареные и толченые жолуди, соленые сыроежки, немножко картофеля. Но великая тоска свела всех людей к проселку, как раз к тому месту, где сидел Родион Ветелкин, коренастый, кряжистый старик, который когда-то очень хвалил доколхозные порядки.

Сошлись, сели на проселок...

— Ведь вот жили, жили,— негромко и печально проговорила Марфа Цыганкова,— а того не все понимали, что милей да светлей колхоза другой жизни нету. Вот попробуй-ка землю-то в одиночку поднять. Каторга каторжная!..

— Да-а,— раздумчиво и тоже печально заговорил старик Квакин,— колхоз, с какой стороны ты к ему не подойди,— высшая блаженство крестьянскому человеку: и легкость, и самая первая качество, и для каждого справедливость. Ведь как бы теперь жили, кабы не эта фашизьма! В меду да в сметане жили бы... А теперь...

Он посмотрел на заросшее бурьяном поле и тоскливо сказал:

— Как отцы наши из беды, из горя не вылезали, так и нам теперь! Эх-хе-хе!..

Потом говорили Василиса Павленкова, Матрена Котова, дряхлый Митрофан Савостин... Говорили они о разрушенной артели, о тракторах и комбайнах, о том, как из года в год росли и росли урожаи, и как легко, ладно и быстро люди пахали землю, косили хлеб, скирдовали, молотили, и какие развели было стада, отары, пчельник, сад, бахчи...

— Эх, если бы не эта фашизьма...

Митька Ветелкин закурил тоненькую папиросу, замотал головой:

— А все-таки колхоз, если об этом глубоко думать, не есть культура, потому как он человеку разворота никакого не дает. Вот, допустим, мы с папаней участок энтот возьмем — и сами себе хозяева: чего хотим, того и плануем...

Родион Ветелкин нахмурился, хотел что-то сказать, но не сказал.

— А комбайн...— продолжал Митька.— Ну, что же комбайн! Опять же, если глубоко об этом думать, он не есть твой, а чей-то такое. Если бы он твой был, тогда...

Старик Квакин сердито прервал:

— Ты это... ты, ежели умные люди разговор ведут, слушай да понимай. Или вон отца своего спроси: он тебе объяснит, как, бывало, мы с ним на своей-то земле «плановали»: зубами с голодухи щелкали...

Митька спесиво откликнулся:

— Мне спрашивать нечего: свово ума довольно нажито. А в колхозе у меня нужды нет.

Родион нахмурился еще мрачнее и выговорил:

— Чего у людей есть святое, ты того не касайся. Сиди да молчи. Понял?..

Митька отодвинулся, засопел, запальчиво произнес:

— А на чорта мне колхоз, если я земле не хозяин?

На минуту стало очень тихо. Все ненавистно смотрели на Митьку. Тишина и ненавидящие взоры вконец распалили скверного парня.

— А если,— он угрожающе зашевелил указательным пальцем,— если тут такая агитация...— оглянул Марфу Цыганкову, старика Квакина...— Если тут такая агитация, то придется, пожалуй, поговорить с такими в другом месте, потому как...

Все воззрились в раскричавшегося Митьку, и никто не видел, как Родион поднялся и зашел сбоку к сыну. Видели только, как на нос и на губы Митьки звучно и тяжело легла мохнатая сырая рукавица и как Митька обалдело отскочил, заморгал, потом вырвал у дряхлого деда Савостина клюку, хотел размахнуться, но...

Остальное произошло в одно дыхание: Митька грохнулся и скрылся под кучей людей...

Он поднялся со стерни взлохмаченный, левая штанина разодрана надвое. Вокруг плотной, ненавидящей стеной стояли колхозницы. Родион Ветелкин, грозный и тоже взлохмаченный, хрипло и повелительно проговорил:

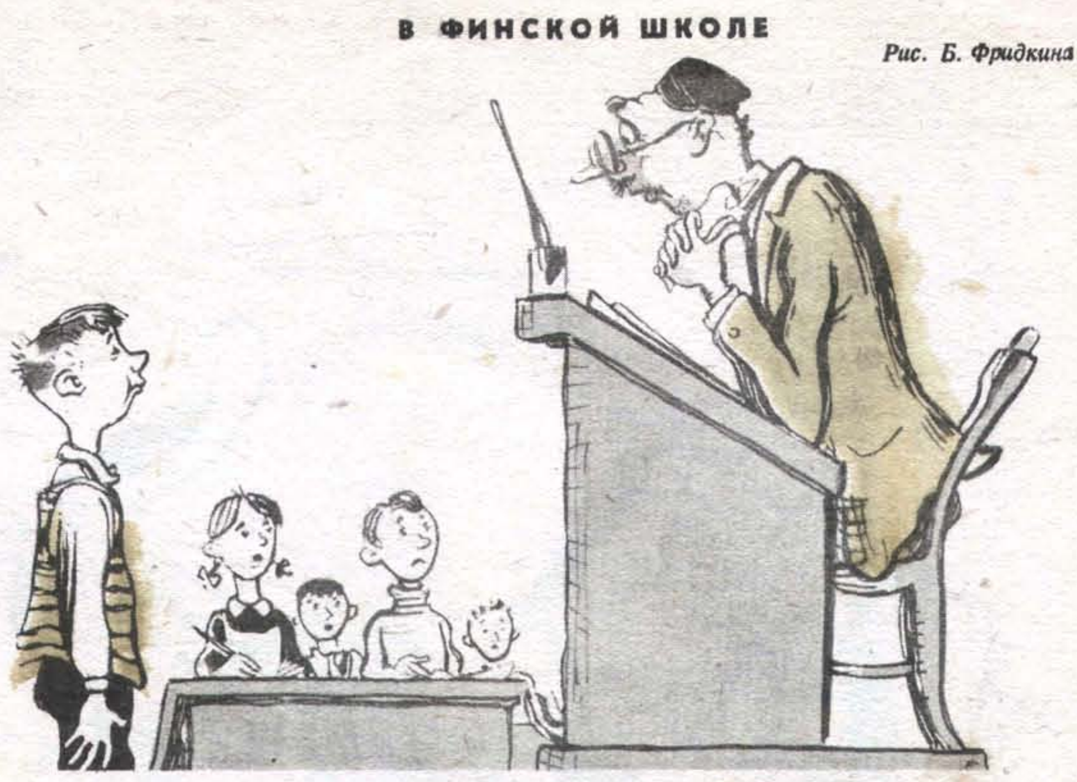
— Уйди отсюда. Слышишь?

Круг разомкнулся, и Митька, похрамывая, зашагал по стерне.

А. КОЛОСОВ

В ФИНСКОЙ ШКОЛЕ

Рис. Б. Фридкина

— Расскажи, Юкко, что ты знаешь про хлебное дерево.

— Оно растет преимущественно в Финляндии. Из его коры делают хлеб.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 1082 Подп. к печати 21/XII 1942 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 62139. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 3516. Тираж 135 000 экз.

Рис. Ю. Ганфа

Немцам никогда не дойти до Урала...

Nский ОРУДИЙНЫЙ ЗАВОД (УРАЛ)
(УРАЛ)
ЗАВОД (УРАЛ)
(УРАЛ)

Но зато Урал сам идет на немцев.

250,